

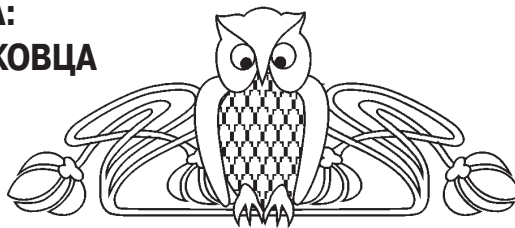

УДК 821.161.1.09-3:004.738.5+929Гришковец

БЛОГОСФЕРА КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА: «ЦИФРОВОЙ» ЧИТАТЕЛЬ ЕВГЕНИЯ ГРИШКОВЦА

А. А. Суворов

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: suvorov@list.ru

В статье рассмотрены художественные и дневниковые тексты Евгения Гришковца, которые связывают мир Глобальной сети и традиционные формы литературной публикации. Созданные в контексте социальных сетей, произведения популярного русского писателя и блогера маркируют значимые тенденции и особенности в развитии литературного процесса начала XXI в. Филологический анализ сфокусирован на проблеме читателя (категорий реального и имплицитного читателя) в творчестве Евгения Гришковца.

Ключевые слова: Евгений Гришковец, проблема читателя, русский литературный процесс, блогер, блогосфера, социальные медиа.

Blogosphere as a Literary Environment: a «Digital» Reader of Evgeny Grishkovets

A. A. Suvorov

The article considers literary texts and diary entries Evgeny Grishkovets which establish close links between the World wide web and the forms of traditional literary publication. Pieces of literature created by the popular writer and blogger in the context of social networks designate significant trends and features of the Russian literary process of the beginning of the XXIst century. Philological analysis is focused on the problem of the reader (categories of the «real reader» and the «implicit reader») in the works by Evgeny Grishkovets.

Key words: Evgeny Grishkovets, problem of the reader, Russian literary process, blogger, blogosphere, social media.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-211-222

Русский литературный процесс конца XX – XXI вв. (как правопреемник исторически сложившейся системы культурных ценностей российского общества) развивается под воздействием мощных технологических факторов; среди наиболее влиятельных необходимо назвать интернет-площадки, оказывающие системное воздействие на все ключевые «точки напряжения» названного процесса. В практическом смысле все авторы, издательства и литературно-критические издания получили новую – потенциально не ограниченную по влиянию трибуну в виде Глобальной сети. Вместе с *электронным форматом самой публикации* (что уже является феноменом, требующим научного осмысления) творцы слова оказались в новой *коммуникационной среде*, предоставляющей невиданные доселе возможности обратной связи с читателем и активно навязывающей собственные «правила интерактивной игры». Среди таких условий оказалось много непривычного и

даже неприемлемого для представителей «аналогового» поколения (отсюда расхожие формулы: «интернет-свалка», «интернет-болото», «зона сплошного троллинга» и т. д.). В настоящей работе мы обращаемся к творчеству писателя, драматурга, автора песен, театрального и киносценариста, а главное, блогера Е. В. Гришковца. Его тексты по комбинации ряда параметров являются уникальным исследовательским материалом для обращения к проблеме читателя в контексте глобального перехода русской словесности из «аналоговой» эпохи к «цифровой».

Уже первые профессиональные драматургические работы приносят Евгению Валерьевичу Гришковцу¹ популярность. Буквально за несколько лет драматург и режиссёр с филологическим образованием получает признание профессионального сообщества и постоянную читательскую аудиторию². Отдельного внимания (в системе наших исследовательских интересов) заслуживает серия книг Гришковца, в основе которых – его записи в публичном сетевом дневнике³. Вплоть до февраля 2011 г. писатель внимательно и регулярно ведёт блог на площадке «Живого журнала»⁴, но в определённый момент принимает решение окончить виртуальное общение с публикой в «ЖЖ». Этот момент крайне интересен и важен для нашей работы; дело в том, что Евгений Гришковец, яркий и активно публикующийся писатель «цифровой формации», принял решение покинуть мир социальных медиа, где он был успешен и популярен. Поворотное решение в его творческой биографии требует детального рассмотрения.

Предварить анализ текстов Гришковца, «превращённых» издателями из сетевых дневников в печатную литературу, необходимо определением некоторых параметров читательского восприятия подобных произведений. *Коммуникационная среда*, которую формируют онлайн-площадки формата «Живого журнала», – это, прежде всего, неограниченный ряд сообществ по интересам. Часто в центре внимания публики оказывается не абстрактная тема, а персона (не объективно существующий человек, но виртуальный образ). В нашем случае популярный блогер является писателем, что уже определяет многие тематические векторы его выступлений. Постоянных подписчиков такого журнала могут интересовать далёкие от литературного труда детали: личная жизнь известного человека, его политические

взгляды, субъективные реакции на события в стране и мире, а также его ответы на комментарии. На материале записей Гришковца в «ЖЖ» мы сможем убедиться – палитра читательских интересов, «спровоцированных» блогером, может быть бесконечно объёмной. Для литературоведа среди множества важных и второстепенных подробностей «сетевой жизни» писателя наибольший интерес представляют записи, приоткрывающие завесу его творческой лаборатории. Диалоги с собственными персонажами и переводчиками вышедших в свет произведений, живое обсуждение трудностей при подготовке новых текстов и впечатления от театральных выступлений, работа с драматическими коллективами и производителями кино – таков неполный перечень постоянных тем Гришковца-блогера.

Наиболее репрезентативной с точки зрения анализа систем читательской направленности будет книга «От жжизни к жизни», поскольку именно она «покрывает» период размышлений автора-блогера о самой природе сетевого сочинительства и цифрового интерактива, которые в итоге приводят писателя к решению закрыть блог⁵. Онлайн-дневники создаются не в пространстве внутреннего диалога, а с расчётом (в случае блогера с неизменно высоким рейтингом, какой был у Гришковца) на восприятие широкой аудиторией и незамедлительную реакцию читателей. Будучи опубликованными в едином печатном издании, онлайн-записи превращаются в актуальную публицистику, в художественную и даже философскую прозу (Гришковец публиковал некоторые свои произведения именно в блоге, и лишь затем они попадали в печать).

Логика исследования требует ещё раз сформулировать несколько важных задач-вопросов, представляющих интерес как для всего комплекса филологических дисциплин, так и для нашего – локального – разбора текстов Гришковца:

Какие параметры (или их комбинации) позволяют классифицировать онлайн-дневники в качестве составляющих литературный процесс явлений?

Определяемы ли характерные черты читателя (или пользователя) блога?

Можно ли говорить о влиянии специфической – «цифровой» – аудитории на содержание текстов современной словесности (поэтика, имплицитный образ читателя, авторская стратегия)?

Ответы на эти вопросы в их окончательном варианте получить вряд ли возможно; мы будем использовать эти формулировки в качестве магистральных направлений литературоведческого анализа; наша рабочая гипотеза заключается в том, что опыты Гришковца на площадке «Живого журнала» могут стать именно тем текстовым материалом, который приблизит нас к искомым результатам.

В самом заглавии интересующей нас книги – «От жжизни к жизни» – автор закладывает

очевидную оппозицию: существование в режиме «Живого журнала» (общепринятое – в «ЖЖ») и жизнь, свободная от онлайн-активности. Для постоянных посетителей и подписчиков сетевого дневника Гришковца загадки здесь нет, но публикация печатной версии, конечно, рассчитывалась на более широкую аудиторию, что, на первый взгляд, и предопределяет литературную интригу. Но не всё так просто. Как своеобразный минус-приём «срабатывает» вступительное слово автора. В нём читатель сразу же направлен к предначертанному автором финалу жизни блога: «Я чувствовал невыносимую усталость и в то же время сильнейшую привязанность к тем людям, которые писали мне, к той моментальной реакции на любое брошенное мной в интернет слово, но мои сомнения по поводу нужности обратной связи с читателями росли и крепли. В конце концов я понял всю опасность и вред зависимости от быстрой реакции на сказанное в интернете, жестокость и злоба ранили не меньше, чем благодушие и похвалы. В итоге я твердо решил закрыть свой блог в живом журнале»⁶. Факт предваряющего книгу обнародования результатов писательского эксперимента представляет несомненный исследовательский интерес. Ключевой момент процитированного отрывка – указание главной причины завершения той самой дневниковой эпопеи, с которой читатель только начинает знакомство. Воспользуемся формулировкой автора и обозначим эту причину как «усталость от интерактива». Если этот мотив так важен для Гришковца, то каков же его «атомарный» состав?

Пользователи «Живого журнала» («которые писали мне») смогли расположить и эмоционально привязать к себе автора; он делится с аудиторией книги воспоминаниями о «сильнейшей привязанности». Кому же адресованы такие симпатии? Это, в первую очередь, постоянные подписчики и комментаторы блога, а также те, кто мог отправлять владельцу аккаунта личные сообщения. Именно публика и её «моментальная реакция на любое брошенное мной в интернет слово» стали причиной внутреннего конфликта и во многом определили нерв всей книги, в которой «есть хоть и лирический, но довольно острый сюжет и очень непростая фабула» (5). Обратная связь с читателем из привязанности могла превращаться во «вредную зависимость» писателя, который начинает вступительное слово с сугубо личных признаний и сообщает, что реакции аудитории на его «посты» были противоречивыми и порой оставляли душевные раны. Отметим: указание на конфликтную природу столь ценных для творческой личности отзывов публики – главного результата всех трудов – задано в самой первой части книги.

Блог Евгения Гришковца тематически родственен его музыкальной, театральной и литературной деятельности вне Сети. Этого мог ожидать и неосведомлённый в «жжизни» читатель. Для

нас важно, что блог Гришковец мог использовать как площадку для выражения субъективных эстетических оценок и даже экспериментов – своеобразных проверок постоянно коммуницирующей с ним публики на сходство взглядов. Примером может служить одно из критических выступлений в адрес популярной музыкальной группы «Ленинград», переживающей в начале 2010-х неоднозначное возрождение. Для нас важным будет не столько сам текст обстоятельной рецензии на видеоклип вновь собравшегося коллектива, сколько предуведомление блогера: «Прежнего доверия и любви возродившейся группе уже не вернуть, так что нечего реагировать на провокацию. Но сегодня поинтересовался и обнаружил, что видео просмотрели уже более полумиллиона человек, то есть, видимо, все, кто хотел. Теперь можно высказаться» (11). Гришковец специально ждал реакции аудитории на провокационный материал и лишь после получения очевидных доказательств высокого интереса, выражаемого статистически («видео просмотрели уже более полумиллиона человек»), сказал своё слово. *Эстетическое чувство писателя в пространстве блогосферы коррелирует с числовыми показателями популярности* тех или иных тем. Готовность огласить свои оценки означает полную уверенность в том, что само явление заслуживает рецензии. Такой логике, конечно же, не подчиняется вся сетевая «история Гришковца», но уточнение показательно; с одной стороны, в нём заключается осознание ценности своего слова и внутреннего права на публичное высказывание (одна из важнейших, как мы увидим, тем для Гришковца), с другой – понимание законов цифровой коммуникации, которые с математической точностью определяют степень популярности каждого опубликованного материала.

Одной из главных величин на ценностной шкале блогера является свобода доступа к информации. Гришковец с особым вниманием и максимально деликатно сообщает своим читателям о гастролях в Казахстане, где на его спектакль пришли руководители государственного уровня, в том числе оставленный без имени высокопоставленный чиновник, сфера ответственности которого включает идеологические вопросы. Именно он инициирует разговор с Гришковцом после спектакля, и ему российский писатель задаёт вопрос о причинах блокировки «Живого журнала» в Казахстане: «Я был внимательно выслушан, и мне было обещано, что в этом вопросе разберутся, поскольку он действительно требует выяснения и разбирательства, и также мне сказали, что долго тянуть с ответом не будут... А через две недели мне сообщили, что вопрос будет так или иначе решен к концу ноября – началу декабря. И вот уже пятые сутки *жж* открыт для Казахстана!!! (*Широкая, счастливая улыбка.*)» (16). Свобода получения информации в эпоху цифровых медиа является уже не просто необходимостью, а формой существования. Эта – *естественная* для

Интернета – свобода определяет жизнедеятельность сообществ и все их возможности. Гришковец ощущает себя частью большого *объединения единомышленников* («ЖЖ») и осознаёт прямую зависимость собственного потенциала влияния от возможностей сообщества. Говорить о правах и свободах блогер вынужден при полном осознании меры этих *естественных* ресурсов. История с Казахстаном очевидно демонстрирует: свобода доступа к информации может быть ограничена. Отметим важную эмоциональную составляющую разбираемого высказывания – абсолютную уверенность автора (граничащую с чувством долга) в необходимости влиять на ситуацию и защищать права своего *объединения единомышленников*.

Но есть в записи, посвящённой снятию блокировки с «ЖЖ» в Казахстане, и утверждение уникальности персональных возможностей и статуса писателя. Цитируем финальные предложения «поста»: «И хорошо, что должность писателя в России и, как выясняется, в Казахстане – должность значительная... То есть писатель все ещё больше, чем писатель» (17). Гришковец постулирует трудноуловимый и уже неподвластный счётчикам, фиксирующим статистику посещений сайтов, процесс перехода из одной эпохи в другую. *Литературоцентризм XIX и XX веков с почти сакральным этическим авторитетом художника слова, согласно законам нечёткой логики⁷, сменяется эрой бесконечного числа сообществ, предполагающих соответственное дробление авторитетов и ценностных систем.* Приведённая фраза – это свидетельство существующего ещё в XXI в. авторитета писателя, позволяющего творческой личности влиять на общественные процессы. Надолго ли хватит того запаса «литературоцентричной инерции», которым пользуется Гришковец?

Ответ на этот вопрос дан самим автором – в неразрывной текстовой связи с приведёнными выше цитатами. Гришковец получил значительное количество негативных комментариев на сообщение о своём участии в решении «казахстанской проблемы». Многие пользователи выразили (не самым корректным образом) сомнение в авторитете и реальном влиянии российского писателя. Его вынужденная реакция на полные сомнения выпадает содержит дефиницию активно изучаемого сегодня филологами, политологами и коммуникативистами понятия «тролль»: «Ну и повылезали, конечно, недоверчивые, злобные, всезнающие, скучные, занудливые, законспирированные в глубинах интернета борцы за общую справедливость» (17). «Интернет-троллинг» вместе с развитием социальных площадок становится одной из наиболее ярких стратегий поведения в Сети; цель таких пользователей – вывести кого-либо из состояния душевного равновесия и спровоцировать эмоциональную реакцию, при этом «тролли» зачастую «законспирированы в глубинах интернета», т. е. анонимны. Серия эпитетов, характеризующая

этот сегмент аудитории, точно определяет ещё и отношение автора к такой публике: идеологическое и эмоциональное неприятие, осуждение их коммуникационного «поведения». Гришковец ощущает разрушительное влияние голосов «троллей»; опасность такой борьбы-со-всеми-вообще (саркастичное «за общую справедливость») заключается в подрыве *принципов свободного равноправного общения*, т. е. основ жизнедеятельности всего *сетевого сообщества*.

«Посты» в блоге представляют богатый материал для литературоведческого комментария к произведениям Гришковца; он регулярно сообщал своим подписчикам о ходе работы над драматическими, эпическими и музыкальными текстами. Наиболее интересны сообщения о творческих экспериментах, так как они содержат уникальную информацию, иначе как через сетевой источник недоступную (после печатной публикации сетевых дневников, конечно же, ситуация меняется). Обратимся к записи, раскрывающей «принцип устройства» драмы Гришковца, – посвящённой творческому процессу, подготовке текста и сценической жизни спектакля «Осада»: «Текст столь легко и даже с радостью был присвоен актёрами, что они сами этому удивились. Спектакль вышел, шёл, шёл, но пьесы так и не было. Мне редко удавалось его смотреть и давать актёрам указания, а они в своих импровизациях частенько уходили далеко от первоначального замысла. Короче, возникла потребность зафиксировать текст» (28). «Спектакль наоборот» используется Гришковцом как сознательный приём: окончательной авторской редакции пьесы не существовало достаточно долго, вплоть до просьбы художественного руководителя театра (согласившегося на эксперимент) окончательный текст составить. Была сделана диктофонная запись, затем её расшифровка и редакция самим автором.

Среди «постов», посвящённых делам семейным, просмотрам новинок кинопроката, частым перелётам и плотному концертному графику, есть в блоге Гришковца и реакция на события в мире средств массовой информации: «Недавно перестал существовать русский “Newsweek”. Закрыли по причине убыточности. То есть, проще сказать, его мало читали, и он плохо продавался. Я страшно удивлён, потому что практически все мои знакомые, приятели или просто приятные мне люди читали NW <...> Меня буквально потрясло закрытие NW именно осознанием узости наших рядов...» (42). Один из любимых и ценных для блогера источников информации закрыт, но (обратим внимание) переживает автор не столько об исчезающих из его поля зрения талантливых журналистах и публицистах, не столько о потере известного на весь мир фотораздела «Newsweek», сколько об «узости наших рядов», т. е. об относительно малом размере того сообщества, с которым Гришковец ассоциирует себя. Не смогли приобрести достаточное число экземпляров журнала

(«мало читали, и он плохо продавался»), не смогли повлиять на судьбу любимого издания как-либо иначе, значит, малы числом и не обладаем влиянием как социальная группа – таков эмоциональный вывод писателя. Вспомним, что журнал в российской версии позиционировал себя как общественно-политическое издание, рассчитанное на широкую аудиторию, но практически сразу «прижился» в кругах творческой интеллигенции. В коммуникации со своей аудиторией блогеру крайне важно постоянное ощущение единства взглядов. Различного рода расхождения, особенно в эстетических оценках, находят болезненный отклик у Гришковца.

Примером такой реакции может служить ответ на комментарии, оставленные под записью, где писатель критически высказался о нескольких современных музыкальных исполнителях. Автор в данном случае отвечает на комментарии сдержанно: «Очень позабавили меня комментарии к предыдущему посту. Мол, всё правильно пишете, вот только Лепса не трогайте. Он всё-таки такой, но не такой. Звучит мило и в то же время грустно. Но не хочу об этом, сегодня – не хочу» (47). Регулярные высказывания на спорные творческие темы составляют значительную часть тематического диапазона всей книги «От жжизни к жизни», т. е. и всех публикаций в блоге. Гришковцу важна не только возможность сказать своё «цифровое» слово, ему ценна совершенно определённая реакция единомышленников, следующая за его высказываниями. Получая обратную связь, которая демонстрирует несоответствие аудиторных оценок собственной морально-этической шкале, автор реагирует исключительно активно: «...как бы пафосно ни звучало слово “борьба”, я буду продолжать бороться с пошлостью и буду о ней информировать всеми возможными для меня способами. По-другому не могу, потому что я живой человек» (98). Одной из главных ценностей (одновременно и задач) всей писательской и сетевой деятельности является борьба с «пошлостью». Блогер в развёрнутой записи приводит даже словарную дефиницию указанного понятия. Нельзя не соотнести такие высказывания-манифесты с представлениями о миссии литературного творчества, сформированными в эпоху литературоцентризма.

Активная созидательная позиция Гришковца-блогера, таким образом, была связана с развитием и распространением «*позитивных идей*» русской культуры (заложенных в высоких образцах классической литературы, музыки и живописи, сформировавших личность автора). Отсюда и трепетное отношение к самому статусу творца слова, уже отмеченное выше. Но такая позиция не предполагает ретроградного мышления или попыток навязать *своему читателю* набор морально-нравственных или этико-философских клише. Будучи представителем «цифровой» эры, Гришковец прекрасно осознаёт, каким смыслом

наполняется понятие *авторская личность* в контексте социальных медиа: «На днях случился курьёзный эпизод. Лена зарегистрирована в одной из социальных сетей, общается там со знакомыми. Так вот, один из Евгениев Гришковцов предложил ей дружить. По-моему забавно! Уверен, что липовые Киркоровы, Хабенские и Ксении Собчак предлагают дружить друг другу. Но чтобы некий липовый персонаж предлагал дружбу жене оригинала – думаю, это прецедент!» (49).

Приведённая зарисовка важна для нас, так как затрагивает ключевые вопросы самоидентификации в Сети: кто вступает в коммуникационные отношения в Интернете? Кто может свободно и без содержательного контроля провозгласить свои идеи? Ответ очевиден – технологических ограничений нет: ни для создания «муляжных личностей», ни для вывода своих мыслей на самые высокие орбиты популярности. На первый взгляд, юмористическая – бытовая – зарисовка содержит характерную примету литературного процесса конца XX – XXI вв.: *происходит утрата базовых прав, ранее служивших уникальными маркерами статуса «автор»*. В «доцифровую» эпоху таким маркером, в первую очередь, была возможность публикации своего произведения на площадке, доступной массовому читателю. Высокий статус (дающий право публикации в печати, а позднее на радиальных и телевизионных площадках) требовал от создателя текста также соответствия ряду социальных стандартов. Интернет стирает все границы и разрушает общественные барьеры. И теперь *другой Евгений Гришковец* может общаться с *супругой настоящего Евгения Гришковца*, причём такую комбинацию мы будем считать наиболее безобидной...

Говоря о «сметённых» Интернетом социальных барьерах прошлой эпохи, связанных с широкой оглаской художественного произведения (вообще любого текста), мы подразумевали различного рода содержательные ограничения и требования. А существует ли цензура в блогосфере XXI в.? Все ли её формы отменены новыми коммуникационными законами? После записи Гришковца о блокировке «ЖЖ» в Казахстане степень влияния цифровых технологий остаётся под сомнением. Проясняет отношение русского писателя к сформулированным вопросам следующий «пост» (цитата находится в контексте отклика на новостные сообщения о беспорядках в Москве с участием футбольных фанатов): «В частности, нет столь мощных рычагов, чтобы осуществлять цензуру, о которой так много говорится. Зато на фоне всего этого отчётливо видна та действительно мощная самоцензура, которая давно включилась и действительно здорово работает. Эта самоцензура моментально дошла до отдалённых уголков страны и коснулась даже заводских многотиражек. Вот за что стыдно, и вот по какой причине власть позволяет себе столь откровенные и дерзкие высказывания» (51).

Автор подчёркивает свою заинтересованность и хорошую осведомлённость в вопросах, часто озвучиваемых СМИ; *цензура и её формы – эта проблема занимает важное место в системе ценностей Гришковца*. Главной причиной возникновения «слепых пятен» в общественном диалоге писатель называет самоцензуру, «которая давно включилась и действительно здорово работает». То есть страх потенциальных карательных мер, а не опасность реальных барьеров или ограничительных механизмов, запущенных властными структурами. Осуждение писателя нацелено на малодушие и *отсутствие культуры свободной коммуникации* в хорошо знакомой ему медийной среде («самоцензура моментально дошла до отдалённых уголков страны и коснулась даже заводских многотиражек»). Таким образом, доминирующая форма цензуры, наблюдаемая Гришковцом, представляет собой самопораждающую вирусную эпидемию страха. Природа этого страха виртуальна, оттого и вызывает реакцию «благородного стыда» у автора.

Одним из институтов, выполнявших функцию анализа произведений словесности, выделения наиболее ярких и достойных образцов среди опубликованных текстов, а также формирования массовой культуры чтения, всегда была литературная критика. Чуткий к чужому слову о себе, Гришковец внимательно следит за отзывами профессионального сообщества на свои книги (цитата в контексте «поста», подводющего итоги 2010 г.): «В этом году вышла книга “Сатисфакция”. Книга удачная, хорошо собранная, и при том, что в неё вошли тексты разных лет, крепкая и цельная. Правда, я не могу подкрепить свои слова профессиональными высказываниями коллег и критиков, потому что ни на эту книгу, ни на “А.....а” ни одной рецензии не было» (68–69). Очевидный упрёк в адрес коллег-писателей и литературных критиков можно было бы принять за личную обиду автора, чьё творчество попросту не было замечено ввиду его низкой значимости. Но это не так. Мало того, что книги «Сатисфакция» и «А.....а» вышли почти предельным по издательским меркам 2000-х тиражом (50 000 и 60 000 экземпляров), так под обложкой первой ещё и были собраны драматические тексты и сценарии Гришковца, с успехом «ретранслируемые» театрами и самим автором на многочисленных моноспектаклях, а также экранизированные и изданные в формате аудиокниг. Не будем второй раз перечислять всех премий и статусов Гришковца, но выход его книг сложно не идентифицировать как культурное событие в масштабе страны... Так почему же литературная критика не заметила такого явления? Ответ на этот вопрос, кроме упоминания причин корпоративно-технических (редакции «толстых» журналов не видели смысла рекламировать и без того популярного писателя, издатели не видели смысла «провоцировать» выход рецензий по той же причине и т. д.), может быть связан с глубин-

ными противоречиями, характеризующими литературный процесс конца XX – XXI вв.

Гришковец-блогер, Гришковец-актёр, Гришковец-сценарист и автор литературных текстов – все эти роли может успешно сочетать человек эпохи социальных медиа. Критика в её «классической» форме, даже с учётом катастрофической потери тиражей «толстых» журналов и, соответственно, влияния на литературную среду, и в 2000-х, и в 2010-х продолжает жить. Но существует она именно как явление «доцифровой», прошлой эпохи. Неудивительно, что профессиональная критика попросту не фиксирует творчества Гришковца, ведь оно *развивается в параллельном мире*. Можно искать и другие причины «пропущенных книг» (идеологические, творческие и персонально-субъективные), но все они приведут нас к *представлению о совместном существовании двух миров в контексте русского литературного процесса рубежа веков*. В этих достаточно самостоятельных «галактиках словесности» происходят свои литературные события (аналогичные рождению звёзд, столкновению космических объектов и исчезновению старых светил); там живут свои авторы и, конечно, свои аудиторные группы. Об относительном размере «галактик» судить сложно – само их параллельное существование обусловлено законами нечёткой логики. Очевидными можно считать два факта: первый – «галактику литературоцентризма» мы наблюдаем в фазе затухания, а «галактика социальных медиа» рождается у нас на глазах; второй факт – названные галактиками системы, развиваясь в своей логике, имеют поле взаимодействия. Это пространство взаимного гравитационного притяжения двух «суперъявлений» рождает систему неустойчивой коммуникации, прогнозирование событий в рамках которой затруднено. Именно в этом поле находится «писатель-противоречие» Гришковец – автор печатных книг и блогер, драматург, чья пьеса может жить без текста, и сам себе-актёр с классическим образованием...

Возвращаясь к явлению литературной критики, зародившемуся в «галактике литературоцентризма», отметим, что и этот феномен под влиянием факторов техногенной среды внутренне эволюционирует. Не требующий более никакой специальной подготовки и социальных регалий, статус литературного критика получает любой желающий: высказаться о любом тексте или его авторе имеет возможность каждый пользователь социальных сетей или специализированных ресурсов. Возможность широкой огласки таким образом опубликованного мнения достаточно высока (вспомним феномен «вирусного» видео группы «Ленинград», которое подвергает критическому разбору Гришковец). *Литературная критика, в согласии с новыми системами цифровой публикации, начинает функционировать как одна из форм медиакритики* (продолжая реагировать на произведения словесности, она включает в

сферу интересов медиаресурсы, музыку, кино и многое другое).

Нужно внести ещё одно уточнение: специфика критического высказывания в изучаемом материале определяется *самостоятельной авторской оценкой* личных творческих достижений. Своим молчанием профессиональная литературная критика даёт право блогеру, что называется, «на миру» определить векторы собственного творческого развития, выделить магистральные темы вышедших произведений и проанализировать поступающие в режиме «онлайн» данные о читательской реакции – т. е. взять на себя значительный объём традиционных функций литературного критика. Такой *автоанализ*, что для нашего исследования крайне важно, *органично вписан в художественный контекст* (коим и является печатная версия сетевых дневников). Отмечаем значительную для литературного процесса начала XXI в. новацию: благодаря системам непрерывной коммуникации с реальным читателем, автор художественного текста способен внедрять литературно-критический метатекст в сюжет своих произведений (что, конечно же, размывает их жанровые границы).

Блог Евгения Гришковца – это своеобразный полигон; здесь творец литературы проводит «испытания» новых текстов и регулярно проверяет остаточную читательскую память (в первую очередь, у своих единомышленников). «Живой журнал» позволил создать специальные условия для творческих экспериментов и различных «пробных запусков»: у блогера есть уверенное представление о постоянных читателях, подготовленных к восприятию его творческих проектов. Такое «ядро» аудитории состоит из постоянных подписчиков блога и ценителей уже вышедших книг, с такими собеседниками в первую очередь писатель и делится планами и отрывками новых произведений (а то и целыми сюжетами). Одна из экскурсий в творческую лабораторию писателя произошла в самом начале 2011 г.: «Второй день пишу рассказ, в котором герой летит из Хабаровска в Москву. Сначала полтора суток не может вылететь из-за задержки рейса, потом очень долго летит. Мне нужно поместить героя в ситуацию, когда никуда нельзя пойти, никому нельзя позвонить и так далее. <...> понял, что сам устал от хабаровского аэропорта и ночного перелёта (*улыбка*)» (82).

Дневники писателей становятся материалом для публикации, предметом споров критиков и литературоведов, но, по правилам «доцифровой» эпохи, все критические оценки и научные отзывы могут появиться уже после выхода книжного тиража. *В действительности социальных медиа писатель может в режиме «онлайн» дополнять вымышленную реальность своих произведений, откликаться на собственные тексты, ассоциировать себя с персонажами, т. е. интегрировать художественное и коммуникационное начала* – «понял, что сам устал от хабаровского аэропор-

та». Тем самым художник слова *исключает* такие «перегоны» на пути текста к реальному читателю, как *издательская подготовка, редакторский отбор или критическая оценка* (если речь идёт о журнальной публикации). Собственная платформа – блог – позволяет мгновенно доставить произведение конечному «потребителю» и, что важнее всего, постоянно увеличивать собственную аудиторию. Гришковец прекрасно ощущает границы потенциала «цифрового читателя»: они связаны и с техническими возможностями платформы «ЖЖ» (Сети в целом), и с относительной численностью близкого автору *сообщества* (обузости которого мы говорили в связи с закрытием «Newsweek»).

Тем не менее, влияние цифрового слова нельзя недооценивать. Немного забежав вперёд, обратимся к цитате из «поста», объясняющего уход Гришковца из «Живого журнала»: «Мой *жж* стал мощным информационным ресурсом. Шутка ли, этот дневник читают (до сегодняшнего дня) практически столько же людей, сколько газету “Коммерсантъ”. Узнав об этих цифрах, я был потрясён, но почти сразу после этого на меня навалилось и осознание ответственности...» (205–206). *Чёткое, вплоть до фиксации численности аудитории используемых информационных каналов, осознание автором собственного коммуникационного потенциала – одна из примет литературного процесса начала XXI в.*⁸ Для Гришковца понимание и умение использовать информационные технологии связано не только с расчётом уровня персональной популярности, но и с «осознанием ответственности». Контекст процитированной фразы позволяет нам заключить, что слово «ответственность» в данном случае может иметь два значения: компетенция интернет-сообщества и широко понимаемые интересы широкой читательской аудитории (включая и не знакомых с произведениями нашего автора). Ещё один важный аспект затронутой проблемы: собственный аудиторный потенциал блогер оценивает в соотношении с федеральным изданием – газетой «Коммерсантъ», у которой также есть интернет-представительство. Однако Гришковца интересует её совокупный печатный тираж (порядок цифр в данном случае – сотни тысяч читателей). Таким образом, мы получили ещё одно свидетельство *сближения литературного творчества с различного рода медийными практиками, взаимовлияния и взаимопроникновения названных явлений, создающих, по сути, единую русскоязычную информационную среду 2010-х.*

Выход за условные географические пределы этой среды связан с высокой сложностью перевода художественного текста на различные национальные языки (эта проблема сближает обе параллельно развивающиеся «галактики»). Произведения Гришковца неоднократно издавались в ряде стран, и его опыты взаимодействия с профильными специалистами представляют интерес для литера-

туроведения: «Мне нравится, когда переводчики задают вопросы: на них интересно отвечать. Они бывают чаще всего неожиданными, и нужно долго и совместно искать подходящий вариант <...> И мне пришлось сделать другую сцену, специально для иноязычного зрителя. Вот французы издали книгу, даже не познакомив меня с переводчиком, соответственно, никаких вопросов я от него не получил, и, как мне сказали те, кто способен оценить качество перевода, он из рук вон плох» (82–83). Амбиции писателя поддерживают иностранные издатели и антрепренёры, предлагающие издавать прозу Гришковца и организовывать его театральные выступления (которые также проходят при помощи переводчика). Популярность, как мы видим, не мешает аналитически воспринимать неравнозначные попытки представить свой текст иностранной публике; автор готов к работе в тандеме с лингвистом, способным подобрать адекватные его мыслям формулировки на чужом языке, и при необходимости готовить специальные редакции своих произведений.

Если публику, считающую книжную публикацию предпочтительной, назвать «традиционным читателем», а постоянных посетителей странички любимого автора в социальной сети (или на блог-платформе) – «пользователем», то следующая запись Гришковца *объединяет как читательскую реакцию* («Галактика» печати), так и *пользовательскую* («Галактика Интернет» Кастельса). Протицируем это радостно-удовлетворённое сообщение: «Удивительное дело, текст, который я писал *сюда* 1 января, оказался пятисотым в моём *жж*. Совершенно случайно. Бывает же такое! Магия цифр (*улыбка*)⁹. А ещё мне сообщили, что любимый мной книжный магазин “Москва” подвёл итоги ушедшего десятилетия и выявил двадцать самых продаваемых отечественных авторов. Я оказался в их числе. Здорово! К тому же из десяти мои книжки продавались всего шесть лет. Приятно!» (87). Академическая история реального читателя начинается с книжной лавки Смирдина¹⁰, не игнорирует сведений о собственном рейтинге по версии книготорговцев и Гришковец. Хотя информация от одного магазина и не может считаться социологически репрезентативной выборкой, но это один из главных магазинов страны с огромным оборотом. Неизменная – на протяжении пяти сотен записей – популярность блогера и востребованность в качестве автора книг не могут не льстить («Здорово!», «Приятно!»). И снова мы отмечаем характерную особенность литературного процесса начала XXI в. – *активное использование различных способов оценки собственной коммуникационной активности и популярности.*

Эмоциональная палитра «постов» Гришковца неоднородна; вместе с развитием сюжета книги – приближением к точке невозврата в «ЖЖ» – начинают доминировать мотивы непонимания своего читателя и этического протеста различным «сетевым» явлениям. Уже далеко не первым, но

принципиально значимым стал следующий текст Гришковца, развивающий представление об эмоциональном климате, создающемся в процессе коммуникации на его интернет-странице (речь о Елене Ваенге, нелестный отзыв на творчество которой и спровоцировал очередную волну недовольства в адрес Гришковца): «P. S. Впервые за время существования моего *жж* удалил комментарии к этому письму. Не желаю, чтобы у меня *здесь* накапливались образцы невежества и злобы. Написанное мною гораздо более взвешенно и спокойно, чем комментарии согласных и несогласных. Оказывается, масштабы беды много значительнее, чем можно было предположить» (92). Ключевые слова проникновенного высказывания: невежество и злоба. Именно здесь блогер видит причины масштабной «беды». Крайне важно, что общая негативная оценка относится как к хулителям, так и к «согласным». Вне зависимости от выражаемых оценок, участники коммуникации не соответствуют этическим стандартам писателя: его высказывания более «взвешенны и спокойны, чем комментарии согласных и несогласных». *Даже разделяя мнение блогера по тому или иному вопросу, комментаторы не избегают «злобы» в отношении к оппонентам – вот что нарушает представления Гришковца об этичном диалоге.*

Эмоциональные оценки в контексте обратной связи с аудиторией, выражаемые через понятия «невежество» и «злоба», постепенно перерастают в доминантное отношение ко всему интерактиву в «ЖЖ». Такой ответ даёт Гришковец интернет-критикам, холодно оценившим кинофильм «Сатисфакция»: «Меня этот накал и эта злоба удивляют. Я не являюсь председателем союзов и фондов, у меня нет государственных наград, званий и “Оскар»”, нет собственных кинофестивалей, я не снимал великих фильмов ни о чём великом <...> В бюджете нашей картины нет ни одной копейки государственных денег! Откуда же такая ненависть?» (144). Удивление и полнейшее неприятие самого факта критики как необоснованной и бесправной – таков базовый принцип ответов комментаторам. И снова писатель оказывается в зоне коммуникационного риска, поскольку провоцирует аудиторию на самую простую и не требующую аналитических усилий реакцию: если создал фильм, музыкальную композицию, сценарий или книгу, значит, создал для нас – широкой аудитории, а значит, и критика наша обоснованная и вполне уместная. Действительно, чему же так удивляется литератор?

Ощущающего все смысловые оттенки художественного слова и обладающего объёмными знаниями Гришковца так поражает не сам факт критического отношения к его творчеству (этот подход исповедует и он сам), а дерзновенная форма негативного высказывания, используемая комментаторами без каких-либо логических оснований или моральных прав на подобные отклики. И здесь проявляется *глубинное вну-*

треннее противоречие в образе автора, которое мы можем выявить, сравнив блог и книжную его версию. *Будучи погружённым в цифровую коммуникацию и даже преуспев в этой сфере, Гришковец продолжает развивать систему ценностей (морально-этические и эстетико-философские идеи), рождённую в «аналоговой» эпохе.* Его комментаторы – из цифровой «галактики», а авторские ожидания – из литературоцентричной. Писатель уверен, что любой критике должна предшествовать серьёзная работа с материалом; кроме того, любому публичному высказыванию, связанному с эстетическими оценками, необходим соответствующий статус автора (опытного специалиста, пользующегося уважением и поддержкой профессионального сообщества). Обозначенное противоречие порождает главный конфликт всей книги, который не может не ощущать сам автор, проживающий все сюжетные перипетии и события как эксперимент над самим собой.

Коммуникационная доминанта агрессии снова проявляется после того, как Гришковец подробно и аккуратно проанализировал творчество коллектива «Квартет И»; такова причина «обрушения» новой волны нелестных комментариев: «Поднялась и бурлит на просторах рунета злоба. Лютая, агрессивная. Злоба, основанная на душевной лени, на неспособности даже попытаться услышать другого, этакая закрытая на все замки и засовы глухота... Злоба, проистекающая из неспособности заглянуть в себя и ощутить неудобство и стыд оттого, что внутри либо пусто, либо всё завалено хламом. Злоба от неспособности любить... Злоба от лютого, махрового недоверия ко всем и каждому» (170). В этом тексте автор напрямую обращается к читателю в надежде на понимание хотя бы той части аудитории, которая разделяет его представления о цивилизованном диалоге. «Душевная лень», «неспособность слышать другого», «глухота», «неспособность заглянуть в себя» и, наконец, «неспособность любить» – вот неполный перечень причин коммуникационной пропасти, лежащей между автором и значительной группой посетителей его блога. Гришковец в этом послании (отметим жанровую схожесть с манифестом) отказывает злобным комментаторам во всех признаках человечности; такие характеристики собеседника, как внутренняя пустота и «махровое недоверие всему», обрекают на провал все поиски взаимного согласия. Логика рассуждения в рамках уже процитированной записи приводит автора к гневной попытке самоидентификации в цифровом мире: «Как только я делаю резкие заявления, мне тут же говорят: а кто ты, собственно, такой? Актёр? Да какой ты, к чёрту, актёр?! Писатель?! Да кто тебе сказал, что ты писатель? Драматург? Забудь об этом! С какой стати мы должны тебя слушать? Кто дал тебе право на такие высказывания?.. Правильно! Никто не давал. Я просто ощущаю в себе это право!» (96). Такой концентрации имеющих эмоциональную

окраску знаков препинания не встретится более, скорее всего, ни в одном абзаце у Гришковца. Именно в этом возбуждённом пассаже мы находим подтверждение своим предварительным выводам: моральное право на *высказывание* является ключевой ценностью и главным «разрешительным документом» цивилизованного коммуникатора в представлении нашего блогера-литератора. Явно «ощущаемое» право на оценочные и критические «высказывания» на самом деле имеет невысказанное логичное обоснование. Центральная опора любой критики – это способность самого критика отыскать в объекте пристрастного анализа нечто интересное – позитивный интеллектуальный импульс. Такой способностью Гришковец, безусловно, обладает. Другим важным условием диалога, на который рассчитывает писатель, является уважение к личности создателя обсуждаемого произведения, максимально свободное от субъективных и сиюминутных реакций (помним высказывание о взвешенности реакций). Такую информационную «политику» пытался последовательно реализовать сам Гришковец, но ответной реакции в положительном смысле не получил.

Запись в «Живом журнале», которая посвящена окончательному решению покинуть платформу, ввиду её объёма, мы не станем цитировать полностью. Однако в главной точке конфликтного напряжения сюжета, обещанной читателю ещё во вступительном слове, необходимо выделить главные причины ухода Евгения Гришковца из «мира комментариев»: «Решение моё не сиюминутно, не эмоционально и принято давненько. Обсуждать я этого не хотел бы, а вот попроситься хочу <...> В результате больших усилий мне удалось создать маленький, можно сказать, крошечный кусочек интернет-пространства, в котором недопустимы мат, грубость по отношению друг к другу, резкие и некорректные политические или экстремистские высказывания <...> Многое удалось, периодически *здесь* возникала атмосфера подлинного совместного творчества, часто я был счастлив и горд тем, что читал в комментариях <...> Что же случилось? Да всё просто! Три с лишним года назад всё в *жж* было иным. Не было профессиональных блогеров. Рейтинги и количество “френдов” были фактами, греющими самолюбие, они не были похожи, по сути, на списки “Форбса” <...> Меня ранят и злобные выпады, и глупые похвалы. Меня задевает предательство, даже сиюминутное и эпизодическое <...> Я не выдерживаю той лёгкой доступности, которую предоставляет интернет и моё присутствие в *жж*, с подключившимися к тому же фейсбуком и твиттером. Я ухожу с этого поля <...> Не хочу и не могу быть на одной из кнопок некоего пульта, нажатием которой любой желающий может преодолеть все мыслимые дистанции и с лёгкостью обратиться ко мне в какой угодно форме...» (204–208).

Заявив о своём нежелании обсуждать радикальное решение, Гришковец предлагает читателю

аналитическую картину всей системы сетевых коммуникаций, которая включает несколько семантических доминант. В первую очередь, *сам блог оценивается автором как особый формат общения со своим внутренним климатом* («крошечный кусочек») и изначальными условиями коммуникации («недопустимы мат, грубость по отношению друг к другу, резкие и некорректные политические или экстремистские высказывания»). Именно в дружеском и уважительном диалоге видит писатель ценность всего интернет-эксперимента и свою инициативную заслугу. В качестве второй семантической доминанты мы назовем *творческое начало* (в цитате курсив авторский), рождённое в процессе коммуникации с аудиторией «ЖЖ». Столь важный для писателя взаимный обмен нарушен, он более не получает творческого импульса от коммуникации. Почему? Среди причин Гришковец называет ожидаемые для внимательного читателя печатной версии (и подписчика блога): искусственно создаваемые рейтинги, монетизацию всех сетевых интересов, а также одинаково злобные комментарии «согласных и несогласных». Открытием для аудитории становится причина «лёгкой доступности» автора и, как следствие, его уязвимости. *Блогер воспринимает технологическую простоту и скорость доставки любого сообщения (комментария или личного письма) как сокращение необходимой ему дистанции общения, т. е. как нарушение зоны психологического комфорта*. Если в первые годы использования платформы «Живого журнала» эта форма связи не приносила негативных эффектов, то с ростом популярности страницы и увеличением числа комментаторов блогер начал ощущать себя «пультом дистанционного управления»...

Необходимое уточнение: Евгений Гришковец закончил публиковать свои дневниковые записи в «Живом журнале», однако вся их история доступна на его персональном сайте и в книжных версиях; более того, он продолжает вести дневники, которые публикуются на www.odnovremennо.com (так и озаглавленном: «Дневник Евгения Гришковца»), а «репосты» этих публикаций появляются на странице писателя в сети Facebook, которая также анонсирует концертный график литератора. Таким образом, мы наблюдаем отказ от обратной связи и от сервиса «Живого журнала», страница на котором была закрыта.

В самом акте волевого прекращения жизни «ЖЖ»-аккаунта заключается ключевое различие сетевой и книжной версий дневников Гришковца. В цифровом варианте «события-посты» появлялись в зоне внимания пользователей по аналогии с форматом новостной ленты, книжная публикация предлагает читателю полноценное издание и предварительное представление о его текстовом объёме. Хронология записей, сохранённая в печатной версии, тем не менее, имеет ослабленное значение – «посты» следуют один за другим, как главы. При этом читатель уже из

вступительного слова узнал о главном событии, у него есть сюжетный ключ, который кардинально меняет восприятие всего сюжета. Мы можем сделать вывод не только о различной целевой аудитории двух версий сетевой истории Гришковца (условно – поклонники «цифры» и «традиционалисты»), но и о различных авторских стратегиях, функционирующих в идентичных текстах. Действительно, редакторских отличий, за исключением вступительного слова и издательского оформления, в двух форматах произведения не обнаруживается. Но сам способ публикации разводит (дублирует) этот текст на «галактические» расстояния. Контакт автора с «цифровым читателем» предполагал постоянный поиск тем, регулярные реакции на комментарии и вопросы – полный набор параметров режима «онлайн». Читатель бумажной версии сразу получил полный комплект дневников, упакованный под обложку и представляющий собой творческий отчет писателя о том периоде его жизни, когда совершался эксперимент с аккаунтом в «Живом журнале». Печатная версия позволяет «забежать вперед», а в блоге страницы пролистать невозможно – необходимо ждать следующей записи.

Важный вопрос в нашем нестандартном случае: отражается ли способ публикации на имплицитном образе читателя в разных версиях дневников? Учитывая, что сюжетный состав текста не изменялся, то ответ должен быть отрицательным. Однако будут ли обращения к «цифровой» публике, щедро разбросанные автором по всем «постам», одинаково восприниматься и «традиционалистами»? Конечно, нет. В такой позиции были и мы в процессе изучения текста «От жжизни к жизни»; для нас он «функционирует» уже иначе – скорее, это, как уже говорилось, отчет об интереснейшем эксперименте, предпринятом специально (!) для читателей книги. Ещё одна значимая деталь: нет сведений, подтверждающих изначальное намерение Гришковца сделать из онлайн-дневников серию книг. Почти с полной уверенностью можно утверждать как раз об обратном. Итак, сам способ публикации имеет влияние на поэтический состав произведения, в частности, на образ имплицитного читателя, а также на специфику восприятия текста читателем реальным; разнятся и авторские стратегии в двух художественных системах.

Какие же параметры (или их комбинации) позволяют классифицировать онлайн-дневники в качестве составляющих литературный процесс явлений? Материал книги «От жжизни к жизни» позволяет дать несколько требующих дальнейшей исследовательской проверки ответов на поставленный вопрос:

– факт печатной публикации продолжает играть значительную роль в литературном процессе конца XX – XXI вв., поэтому «традиционное» издание «сетевое произведение» может выделить текст из постоянно растущего массива цифровой

информации и обеспечить «выход» к широкой аудитории;

– статус автора онлайн-дневников является важнейшим параметром, позволяющим заинтересовать многих участников литературного процесса: «сетевым творчеством» уже состоявшегося писателя, публициста или сценариста могут заинтересоваться как потенциальные читатели и литературные критики, так и издатели разного масштаба;

– содержание дневников может иметь принципиальное значение для определения их «литературной роли»: стилистика высказывания, уровень подготовки текста, выбор тем и, главное, публикация на сетевых площадках художественных произведений (также и отрывков, отзывов или новых редакций) могут послужить основанием для классификации данного текста как явления, составляющего литературный процесс.

Среди вопросов, поставленных нами в начале работы, был и такой: определяемы ли характерные черты читателя (или пользователя) блога? Ответ здесь нужно начать с выделения основных групп пользователей блог-платформ:

– активный автор блога (к этой категории мы отнесём и самого Гришковца) – пользователь, который регулярно публикует тексты, постоянно коммуницирует с комментаторами, в различных формах откликаясь на их сообщения;

– пассивный (часто анонимный) пользователь блог-платформ – редко или совсем не публикующий на своей странице собственного контента (содержательных элементов), но активно комментирующий записи тех или иных блогеров; именно в этой группе пользователей чаще всего появляются так называемые «тролли»;

– неидентифицируемый пользователь – такой участник цифровой коммуникации, который имеет аккаунт на интернет-платформе, но не использует его в активном режиме (нет регулярного обновления и появления в качестве комментатора других блогеров); пользователи из этой группы формируют широкую фоновую аудиторию блогосферы.

Представители всех групп пользователей имеют общие черты, связанные со спецификой восприятия информации; опыт получения данных из Сети в целом (и конкретной блог-платформы) накладывает отпечаток на когнитивные функции: скорость выделения тематических блоков и структур, работа с системно обновляемой лентой новостного типа и, что самое главное, комментаторская деятельность. Последняя, кроме несложных технических навыков, предполагает знания об устройстве и нормах функционирования сетевых сообществ, а также навык анализа поведенческих стратегий участников таких групп. Пользователь Интернета, даже при наличии небольшого стажа, имеет представление о принципах распространения информации в Сети и устройстве сетевых площадок разного типа.

Важно понять, может ли специфическая – «цифровая» – аудитория влиять на содержание текстов современной словесности. Учитывая, что многие писатели конца XX – XXI вв. начинают активно использовать цифровые формы публикации своих произведений, а также создают собственные представительства (личные сайты, официальные аккаунты в социальных сетях), *можно говорить о значительном влиянии аудитории на содержание произведений словесности*: авторы начинают учитывать новый читательский сегмент при подготовке текста, а порой и напрямую обращаться к «пользователям».

Творчество Гришковца являет собой образец литературы новой эпохи, адресат которой может характеризоваться через сложную совокупность явлений «*читатель – зритель – слушатель – пользователь*». На примере книг современного российского литератора, которые были сотканы из его записей в блоге, можно проследить развитие авторской стратегии в *тексте с синтетической адресацией*. Писатель постоянно ощущает присутствие множества скрытых под масками «никнеймов» и «юзерпиков»¹¹ интернет-пользователей, при этом параллельно (со смещением во временном и тестовом измерениях) он обращается и к «книжной» аудитории.

Современная русская словесность изобилует интереснейшими с точки зрения литературоведения явлениями, наблюдаемыми сегодня и сейчас – в развитии. Такое положение, с одной стороны, обеспечивает неизменную актуальность исследований в названной области, а с другой, усложняет оценку «веса» разножанровых материалов и увеличивает процент погрешности прогнозов развития наблюдаемых ситуаций. На основании рассмотренного материала (в режиме формирования рабочих гипотез) можно выделить несколько векторов развития литературного процесса рубежа XX–XXI вв.:

– в конце XX – первых десятилетиях XXI в. изменяется представление как литераторов (а также журналистов и публицистов), так и широкой аудитории о *самом принципе публикации художественного произведения*;

– массовый доступ к сети Интернет и *бум социальных сетей* первого десятилетия XXI в. позволил авторам *формировать персонально ориентированные читательские сообщества*, литературные партии и объединения;

– анализ поведенческой модели (авторской стратегии), реализованной в творчестве Евгения Гришковца, приводит к мысли об эволюции *статуса автора литературных текстов*.

В качестве заключительной можно предложить следующую мысль: игнорировать многочисленные факты использования авторами интернет-платформ (в частности социальных сетей) для полноценной или отрывочной публикации художественных текстов, их рекламы и обсуждения, а также для коммуникации с коллегами и

критиками (профессиональная ли это критика или читательская) – невозможно. Активными блогерами являются представители разных литературных «партий» и объединений: постоянно «ведут» свои аккаунты и вступают в полемику Татьяна Толстая (также выпустившая книгу, составленную из сетевых дневников) и Захар Прилепин (блогер, журналист и «сетевой критик»); свой литературный сайт ещё в первые годы существования Рунета создал популярный фантаст Леонид Каганов; среди известных блогеров «старшего поколения ЖЖ» нужно отметить Сергея Лукьяненко и Бориса Акунина (также располагающих отдельными интернет-ресурсами)... Этот список постоянно пополняется.

Интернет среди множества социально-интерактивных функций в начале XXI в. аккумулирует ряд свойств, ранее соотносимых с феноменом, называемым в филологии *литературной средой*. Это «перетекание свойств» становится возможным благодаря, в первую очередь, *максимально демократичному доступу к публикации* любого текста. Вторым по значимости можно считать *фактор мгновенной обратной связи* с аудиторией. Третьим, но не последним, необходимо назвать *технически неограниченную возможность формировать персонально ориентированные читательские группы и сообщества*, которой активно пользуются участники литературного процесса.

Примечания

- 1 Биографическую и библиографическую информацию об авторе см. на электронных ресурсах: официальный сайт Евгения Гришковца (площадка для обновляемого блога) – <http://odnovremenno.com>, а также сайт <http://www.grishkovets.com/bio.html>.
- 2 Евгений Гришковец удостоен ряда премий и наград, среди которых: премия «Антибукер» в номинации «Три сестры» (драматургия) за наброски к пьесам «Зима» и «Записки русского путешественника» (1999), «Золотая маска» в двух номинациях – «Новация» и «Приз критики» (2000), Национальная премия «Триумф» (2000).
- 3 Назовём эти книги: «Год жжизни» (2008), «Продолжение жжизни» (2009), «151 эпизод жжизни» (2011), «От жжизни к жизни» (2012), «Почти рукописная жизнь» (2013).
- 4 Одна из ведущих платформ русскоязычного блогинга – <http://www.livejournal.com/> (Гришковец прекратил вести блог на этой площадке в 2011 г.).
- 5 8 апреля 2011 г. Евгений Гришковец провёл встречу со студентами и преподавателями Саратовского государственного университета, в ходе которой автору предлагаемой работы удалось задать писателю вопрос о закрытии своего блога. Цитата по ленте новостей sgu.ru: «Отвечая на вопрос о закрытии своего блога, Евгений Валерьевич рассказал, что после своего ухода из социальных сетей он почувствовал “запах и вкус жизни”: “Я понимаю это массовое увлечение социальными сетями, ведь мы являемся здесь первопроходцами. Но, на мой взгляд, все здравомыслящие люди лет через пять отой-

дут от этого и вернуться к реальной жизни. В Интернете много насилия, и мы все перед ним беззащитны. Его последствия для всех могут быть абсолютно непредсказуемыми»». (URL: <http://old.sgu.ru/node/64395> (дата обращения: 13.02.2014)).

- 6 Гришкова Е. От жжизни к жизни. М., 2012. С. 5. Далее цитаты автора приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 7 Понятие «нечёткой логики» в филологический оборот введено В. В. Прозоровым. (См.: Прозоров В. Другая реальность : Очерки жизни в литературе. Саратов, 2005. С. 11–14).
- 8 Осведомлённость в области сетевых и социальных медиа проявляется в разножанровых произведениях Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Татьяны Толстой (также издавшей сетевые дневники отдельной книгой), Леонида Каганова, Захара Прилепина, Сергея

Лукьяненко, Бориса Акунина и многих других ярких участников литературного процесса конца XX – XXI вв.

- 9 Гришкова Е. крайне щепетильно относится к оформлению своих текстов, следит за лексикой, орфографией и пунктуацией; в его интернет-дневниках мы не встретим «сетевого новояза», неуклюжих сокращений и графических символов типа «смайлика». Автор в драматургической манере указывает на свою мимику – это его «фирменная» ремарка.
- 10 См.: Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина) / под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. М., 2001.
- 11 «Никнэйм» – выбранное пользователем имя для самопрезентации в Сети. «Юзерпик» – выбранное пользователем изображение для оформления своего аккаунта, ассоциируемое с «никнэймом».

УДК 81'42-057.341:070

ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ НА ОТРИЦАТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (на материале политического интервью)

Т. С. Боц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tatyana.bots@mail.ru

В статье рассматриваются способы и средства вербальной реакции президентов России и США на отрицательные оценочные высказывания представителей СМИ в ходе интервью и пресс-конференций.

Ключевые слова: политический дискурс, СМИ, публичный диалог, оценочные высказывания.

Verbal Reactions to Evaluative Negative Statements (on the Material of a Political Interview)

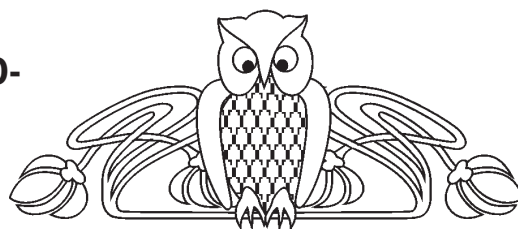
T. S. Bots

The article considers ways and means of verbal reactions of the Russian and the American presidents to the evaluative negative statements of mass media representatives in the course of interviews and press-conferences.

Key words: political discourse, mass media, public dialogue, evaluative statements.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-222-226

Особенности выражения отрицательной оценки и ответной реакции адресата в рамках политического дискурса до сих пор не выступали предметом исследования. Этот факт, а также специфика исследуемого материала объясняют необходимость обращения к исследованиям различных областей языкознания. Методологической базой данного исследования послужили работы в области коммуникативной лингвистики (Р. О. Якобсон,

О. Г. Поцепцов, А. Е. Кибрик, И. В. Арнольд, В. П. Морозов), риторики (А. К. Михальская, И. А. Стернин), семантики оценки (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова), политического дискурса (А. П. Чудинов, О. С. Иссерс, Е. И. Шейгал, О. Н. Паршина) и культуры речи (О. Б. Сиротина, С. В. Тер-Минасова, Т. В. Ларина).

Материалом нашего исследования послужили записи пресс-конференций и интервью президентов России и США за период с 2000 по 2015 г. Мы рассматриваем также «прямую линию» как особый вид массовой телекоммуникации с В. В. Путиным, ставший традиционной ежегодной формой общения российского президента с гражданами страны. О. Н. Паршина определяет прямую линию как «сложное речевое событие – особый событийный жанр, представляющий собой дистанционный публичный диалог вопросо-ответного типа между адресатом (телезритателями, читателями) и видимым политическим деятелем»¹.

За последнее десятилетие языковая личность В. В. Путина и Б. Обамы неоднократно становилась объектом лингвистических исследований (Е. В. Шустрова, М. М. Степанова, М. В. Гаврилова, Е. В. Куницына, Г. Огибин, Ш. Лиэнн и др.). Были определены отличительные особенности их речевого поведения, выявлен набор речевых тактик и средств их реализации. Одной из задач нашего исследования является изучение устной речи президентов как представителей двух различных лингвокультур и определение национальных особенностей их коммуникативного поведения. Исследование,